

НОЧНЫЕ РОЛИ

Новелла

Не доехав одну остановку, ты вышел – а вдруг автобус на следующей не станет. По тротуару шёл быстро, азартно, обратив внимание на продовольственный магазин – ещё работает. Вскоре взгляд поймал нужный тебе дом – двухэтажный, или трёх?.. не помнишь, да и не за чем. Минута – и ты во дворе: окна (оба) безжизненны – отсутствует или спит. И одновременно – началось! – озноб по всему телу, с ног до головы. "Заболел, что ли? Кажется, так бывает, когда у меня поднимается температура", – подумал, нет, скорее заподозрил, что твоё тело вошло в другое (твоё же?), холодное тело. Хотя не то что не веришь в это, а знаешь точно – соль тут иная: тело есть концентратор и носитель духа; а дух..., дух – это сгусток энергии, а может, и нет. Юрко и уверенно вошёл в подъезд, приблизился к двери, прислушался (любишь ты интимные тонкости) – нет, тишина; только твоё сердце... Протянул руку к звонку, пригляделся – два оголённых проводка. Робко постучал согнутым пальцем в дверь. Секунда-вторая-тре... Заскрипела знакомая кровать, и вдруг – грохот, словно кто-то обо что-то споткнулся, отчего какие-то вещи полетели на пол то ли со стула, но скорее – с импровизированного стула, то ли со старого ящика для белья, покрытого сверху куском ДСП, – это столик. В замочной скважине завертелся ключ, цепляясь своими "ушами" за хитроумные пластинки, в результате дверь приоткрылась, и ты увидел симпатичное лицо (личико). "Сегодня оно милое. – Подумал. – Как это?.. Сеговечерня. – Переподумал". И на этом лице – сонность, недоумение, приветливость, раздражение... Волосы распущены – совсем недавно вымыла.

– Можно? Или...

– Попробуйся.

И ты вошёл, но так, словно переступил этот порог впервинку и незнаком со спальней – налево, чёрной комнатой – по коридору направо, а напротив – с кухней, где ты, якобы, тоже не бывал. Впрочем, пусть будет так. Да это и лучше. Смелые гости вызывают у хозяев неприязнь своим всезнайством и неуместной бестрепетностью, этим уравнивая себя в правах с хозяевами. У тебя же всё получилось ладно, причём интуитивно. Ты явно не продумывал этот ход.

Стоя в прихожей, ещё не преодолев окончательно назойливый озноб, ты, хоть и согрелся мгновенно квартирным теплом, протараторил:

–

Она промолчала. Заглянула в спальню: спит ли дочь. Повернулась к тебе; наклонившись, дотронулась левой ладонью до цветастого полиэтиленового мешочка в твоей руке:

– Что это?

– Твоё. Прочитал. Хорошо! Но не всё.

Вновь настойчиво промолчала. Ты продолжил:

– Поэтому пришёл обсудить некоторые тонкости этого щепетильного материала.

Сама понимаешь, такое печатать при жизни автора и его героев...

Ты говорил много, напористо. Порой казалось, что тебе необходим словесный шум, который заполнит собой квартиру – эти потолки, плохо побеленные, эти стены со старыми и рваными обоями (кроме чёрной комнаты), этот дощатый (на кухне) пол со щелями, скрипучий до нервозности. И даже не просто словесный шум – тебе нужен был своего рода озвученный гипноз, который, захватив ее в свой вихрь, закрутит, запьянит её сознание – и вся она окажется в твоей власти.

– Пошли туда, – сказала, махнув рукой в сторону кухни.

– Подожди. Я быстренько схожу в магазин – куплю чего-нибудь...

И мигом вышел. Ты, считающий себя способным видеть женщину насквозь, ты, внушивший себе, что женщины, если изучать их нравы невозмутимо и основательно, примитивны до похожести друг с другом, ты, говорящий всем и при всяком подходящем случае: женщины отродясь не знают, чего хотят, а если что-то пожелают, то ради удовлетворения своих амбиций, – ты не посмотрел ей в глаза, в зрачки, в хрусталики, и не дождался согласия на своё предложение.

Ветер веял в лицо. Ночной ветер, гипнотичный. Озноб, по счастью, не возобновлялся, – ты торопился, почти бежал, хотя знал: магазин стоит на своём месте и ты успеешь купить всё, что нужно. Но чудаковатые твои ноги – как часто они действуют вопреки сознанию. Твоему же.

В магазине – только продавцы. Их оказалось слишком много (четыре) для столь позднего времени – и они не обращали на тебя никакого внимания, кучно перебарывая свои животрепещущие интересы. Ты прошелся вдоль витрин несколько раз, прокручивая в уме: дорого-дешево, это-не это, пойдёт-не пойдёт...

Возвратившись, ладонью толкнул дверь её квартиры – не заперта (ждала ли?), значит ждала. Войдя, повернул ключ – спокойнее. Сняв туфли, быстро прошёл на кухню и выставил на... – это тоже не стол, а прибитая к стене подставка из досок – выставил на неё лимонад, четыре пирожные и плитку шоколада. Повременив, запустил левую руку в правый внутренний карман пиджака – и поставил рядом с предыдущим плоскую бутылку с водкой, чему она (волосы уже собраны в хвостик и прихвачены резинкой) не удивилась, а восприняла как должное, почему-то сказав:

– Не буду.

– Всё по желанию.

И, взяв две керамические кружки (помнится, подарок подруги-тёзки на её день рождения), ты наполовину наполнил их крепким напитком. Одну кружку подал ей – она взяла, и, ничего не говоря, не дожидаясь тебя, отвернувшись в сторону, выпила одним глотком. Ты сделал также, но глядя её лицо своим взглядом. Налил лимонад. Подал пирожное.

И тут вырвалось:

– За улучшение твоего материального положения.

– Насмехаешься...— парировала она.

– На кой ляд?

– Я заметила – у тебя это в крови.

– А что в крови у тебя?

– Ладно. Подвяжем...

Начало положено – разговор или беседа, или ругня между тобой и ею. Но тебя такой разворот общения не удовлетворял. Почувствовав легкое опьянение, ты, простерев руки, попытался приблизить её к себе, следуя укоренившемуся в мозгу рефлексу. Она отшатнулась.

– Вот что, с сегодняшнего дня, точнее, вечера, а может, это уже ночь – мы только друзья. Ты друг, и всё. И не нужно этих протянутых рук, губ и чего угодно.

– Как хочешь. Мне всё равно. Но... откуда это новое поветрие?

– Не знаю и знать не желаю.

– "Никто никогда ничего не знает наверняка".

– Оставь Бродского в покое! – возгласила она, и глаза её прослезились (Ах! Какая трагикомедия).

Что это? Жизнь в своей немотивированности, которая совершенно неуместна в художественном произведении? Или немотивированность, владеющая жизнью от днища до крышки? Скорее – чертовщина.

– Это излишество, -- прошептал ты, делая смысловой поворот в сторону – туда, где слова выстраиваются в другой последовательности, создавая новый ракурс для взаимоотношений между...

– А не сквозила ли в тебе идея, что излишество – это ты?..

Кто знает, что порой полезно игнорировать сказанное в его адрес, тот зачастую выходит сухим из слезливой ситуации. Не ответив и сделав вид, что вообще не услышал вопрос, ты взял из её руки пустую кружку и, налив в нее водку, вернул на место. Отпив чуть-чуть, она (по ветхой привычке) перешла на свои проблемы, на свою болезненно-любимую тему.

– Наверно, я на тебе вымещаю свои обиды, накопленные за неделю. Столько всего понабралось, что в голове не уместается: за квартиру не платила пять месяцев; подработку мою не приняли – плохо шью, хотя выполнила все требования; за детсад тоже не заплатила. А где я возьму эти вонючие деньги? Вон, видишь, на подоконнике письмо – из домоуправления: если к концу месяца не рассчитаюсь за воду, за свет...- выселят. Недоразвитки... Не имеют права. А ещё подружка моя вспомнила, что когда-то давала мне сумму как кот наплакал – и скулит, чтоб я вернула. Так ты понимаешь, умоляю её немного подождать – ни в какую. Отдай, и всё. Дебилка. А ведь на моём дне рождения та-ак лебезила. Зажралась своей роскошью. Да и все кругом свихнулись. А может, я бесконечная неудачница?.. А может, всё дело не во мне, а в тебе?

– При чем тут я? Если хочешь, оплачу квартплату. Хотя, нет. Половину. Нечего разводить тунеядство.

Она вздрогнула. Вернее: по её телу, по коже, шершавой ладонью, как наждачной бумагой, царапнула дрожь. Знакомая тебе дрожь. Еще более знакомая ей... Всего одно слово. Единственное. Но власть у него вселенская – ударяет в сердце, как метеорит в землю. Сотрясается всё.

Она отвернула лицо... Окно было затянуто старой простынёй. Смотрела в него, как в открытое, словно видя уличную черноту, различая контуры безлистных деревьев. Затем проворным движением поднесла кружку к губам и, продлевая удовольствие, по-черепашьи выпила оставшуюся там водку.

– Ещё. – Прозвучало безразличным тоном.

И ты, также безразлично, но смиренно вылил в её кружку всё то, что оставалось в бутылке, поставив которую на стол, напевным голосом произнёс:

– А эту "стеклянную" красавицу я заберу с собой.

– Конечно, конечно. Она твоя... А что, больше водки нет?

– Поздно уже. Закрыто.

– А ведь ты водку из дому вёз с далеко идущими планами.

– Это скверно?

– Да. Потому что ты всё-таки для меня теперь только друг.

– Видимо, подруга. Хотя ни подруги, ни друзья мне не нужны – я самодостаточен, и если...

– У тебя никогда не было друзей, и не будет – слишком ты деликатен в этом плане.

– Если ты настаиваешь на...

– Я? Настаиваю? Сто лет... и ещё столько же. Можешь исполнять свою заморочку, сколько тебе угодно – я в этом не участвую. У меня своя роль.

– С подобных слов сегодня следовало начинать, -- сказал ты.

И налил себе лимонада, и пил таким образом, чтобы текло по подбородку и капало на джинсы, на носки, и подставлял ладони, чтобы не замочить... – корчил несерьезную гримасу, и гадал: "Гримасы жизни, существования, прозябания или заумь на декадентском масле?". После этого потока жидкости, мыслей, бредовизма, ты наконец-то последовал её примеру и сел на пол у подоконника -- спиной к батарее. (Давно обещал и даже пытался доставить ей (своей машины нет) каким-нибудь образом пару не новых стульев).

– Люблю сложности на уровне фраз.

– Уже усвоила... Смотри – горячо.

Она ладонью легонько оттолкнула твою спину от батареи. Ты подал ей верхнюю часть слоеного пирожного, нижнюю взял себе, откусил, -- крошки *медлительно* падали на...

Косвенный взгляд (твой) обострился: "Как это?.. Не поверю, пока не увижу собственными... Кажется, видел. Ну и что? Всё равно не верю – демонщина, сатанинщина, окаянщина".

Стук в дверь. Ты всполошился:

– Кто столь поздно может быть?..

Она шибким шагом метнулась к входной двери. С кем-то азартно говорила. Потом молчание. Затем шепот. Дальше – не понять что. После прощание. Вслед за этим твой слух устал от напряжения, и ты отвлёкся.

Когда она вернулась, в её руках чернела электроплитка, являющаяся единственным источником приготовления пищи на этой кухне, в этой квартире, в этом мирке непрерывных срывов, неудач, осечек, невезений... Кто сказал (твоя излюбленная фраза): самые нехорошие – это неромантические женщины? Хотя в жизни ты предпочитаешь материалисток. Какая непоследовательность!

– Вот, соседка вернула. Брала на вечер... А ты, я гляжу, боязливый. Перепуга-ался. – Растянула "а" до невозможности.

Месть вступила в свои права, в собственные владения. Управляй! Властвуй!.. Размышляй: "Пункт 1-й: кто против – тот за. Пункт 2-й: кто за, тот – см. пункт 3-й: всё равно против, значит за".

– Или, – продолжила, – предположил нежелательного мужчину.

– Мне безразлично, – отпарировал ты. – Вместе выпили б водки, которой нет.

– А знаешь ли ты, что ко мне никто, кроме тебя, не ходил и не ходит.

– Признателен. И..., признаюсь, что я уже не вернусь домой – автобусы-то...

Хотя оба разумели (подумали): "И частные, и гостакси шныряют всю ночь. И пешком-то ему (мне) – за полчаса. Чуть больше". Она нескрывая жаждала твоего присутствия. Ты затаённо имел охоту остаться. Друзья?.. до могильного сна.

... Сна не было. Сон не шел. Ты лежал с края (это закон), она у стенки. Между – спящая дочь: главный герой её жизни, второстепенный – твоей. Ты не любишь это избалованное дитя, готовое при всяком твоём появлении взгромоздиться чуть ли не на макушку, по пути словно вырывая твои уши, нос, волосы; доводящее мамочку, опять же только при твоём появлении, визгом, назойливостью, вредливостью, галдёжем, капризами сначала до резких выкриков типа: почему ты, когда мы одни, тиха?.. , а потом до: наверно, я здесь стенка для камней; и наконец: всхлипы и изувеченный вечер. Такого результата добивается шестилетняя девочка.

... Сон – это калека: он безногий. Его нет как нет. Она знает это не по присказкам – из своей жизни. Особенно усерден в этом смысле (как она говорила) был её первый и последний муж, который только и умел (наверно, и умеет) , что залезть и... слезть с женщины. Сей поступок возводился в культ. И этот бывший её муж, отвоевавший через суд у нее первого ребенка (сына) с привлечением кучи свидетелей (родственники, знакомые и вс. пр.) , живёт где-то в нашем примечательном городе ("Колыбель духовности" -- ?!), и она, как ожечья кипятком, боится встречи с ним, а встретившись: "Я уж точно левитирую вертикально вверх".

... Сну не до бытия. Бытию до не... "ТЬфу, въедливое философствование" – дежурный твой лозунг в случаях незасыпания. Но не только. Когда на памятном её дне рождения ты сидел с нею на краешке кровати (ещё до прихода подруги – вот и все гости) и она непреднамеренно обмолвилась, что умеет гадать по руке, ты тут же протянул свою левую ладонь. Ей ничего не оставалось, как ворожить: "Жизнь твоя благополучна, если не считать, что в детстве мог её потерять (ты взглянул в её глаза – шутит или нет?). Здоровье – выше среднего (скрипучее дерево... и т. д.). Годы твои долгие. Но будет ещё морока: развод и появление второй жены". "Ложь! –это твой безапелляционный выкрик. – Такого рода проблемы для меня неуместны. Я выше их". И подумал: "Не себя ли она имеет ввиду...". Тут воистину не до сна.

... Во сне не спят – во сне мыслят. Втихомолку. Тайная мысль (1): "Считает, что я забыла, как он меня словесными хитросплетениями затянул в... сарай (чёрная комната?).

Понимаю, не я начальная, не я конечная, но почему и я тоже. Водочку притащил сегодня с той же целью". Эта мысль согрела её душу... На втором этаже – крики. Опять ночная ссора. Опять муженёк пришел с блуда. Жена накинулась на мужа. Матерщина всех *четырёх* видов. Хлопанье дверьми. Визг – ("он её давит или она его? ха-ха!"). Детей не слышно. От страха, видимо (-невидимо), притаились в своём углу. – Тайная мысль (2): "Слава богу, и у них срывы, разлад – несча-астье". И эта мысль согрела её душу.

Она поднялась. Осторожно слезла с кровати (через твои ноги). Постояла. Прислушалась к твоему дыханию. Пригляделась к позе: "Спит, спит". Крадучись, вышла из комнаты. В коридоре на ходу (зашуршал полиэтилен) подняла прислонённый к стене мешочек. На кухне, сидя на полу, вслух сама с собой разговаривала-разумничала. До тебя долетали ключья фраз: "Ну и что... начеркал зачем-то... наисправлял... не понял... письма к сыну – это... что у меня осталось... Семь! А восьмое вычеркнул!.. дурак. Так никто... печатать...". Поднялась, листки с письмами бросила на подоконник. Ходким шагом вернулась в спальню. Стала возле окна – за шторой. Вглядывалась в чернь ночи – двор не освещался. И тут (но, наверняка, раньше – только бесшумно) посыпались всхлипы, усиливающиеся в отрывочное рыдание. Тебе стало неприятно: "Разыгралась. Вошла в роль.... Я их почти не правил. Только местами – и то к лучшему...". Она вновь (в мгновение ока) ушла на кухню. Шуршала листками, ворчала, шелестела фольгой от шоколадки, судорожно вздыхала, налив в кружку лимонада и выпив, лёгким движением руки бросила её в раковину – не разбилась, нервически стукнула кулаком по дощатому столу (может, по полу) и со скоростью молнии опять прилетела в спальню – закричала твоей кожаной курткой (но там же висел и пиджак с (в левом внутреннем кармане) бумажником...). Ты сморщился – ведь этого боялся больше всего. "Господи, лучше б я спал" – это не думал, это твоё подсознание перебивало косточки твоему же сознанию. Но она уже успокоилась, снова через твои ноги забралась на кровать – к стенке. Утихомирилась. Угомонилась. Унялась...

Ты удивился: "Вновь легла, не раздевшись... Демонстративно с той стороны от дочери – я её не устраиваю. Неуместная самодостаточность. Всё, буду засыпать... Носки у неё дырявые. Трико, кажется, грязное. И вообще, женщина, не мечтающая о сексе, это всегда нехорошая женщина. На такие слова она б, наверное, ругнулась отборным. А я бы ответил: ведь сказал же кто-то: вся гениальность – в матерщине. На что услышал бы: (непереводимая игра слов)... Что это? –

Стук в дверь. Она вскочила, на цыпочках подкралась к двери, притаилась. Ты не шелохнулся, но пульс участился. Стук усилился. Слышалось – стучит не один, а двое или больше. Скребют дверь, царапают. И вдруг негромко:

– Баба Маня, открой...

-- Молчи-и, -- сквозь зубы процедил ты. А там, за дверью, кто-то что-то уже тыркал в замочную скважину, чтобы вытолкнуть ключ; стучал, казалось, ногами. Она подошла к тебе, наклонилась, прошептала:

– Вставай, иначе хуже будет.

Ты неслышно усмехнулся. Безмолвствовал. Она пошла к дверям... и стук прекратился. Теперь доносилось подобие разговора, а может, смех. Затем скрип и удар подъездной двери, кратковременное шарканье во дворе, и тишь. В это время она уже была у окна и приглядывалась, кто вышел из подъезда. Через несколько секунд включила освещение, стояла и смотрела на тебя.

– Убери свет, а то я разбужусь, -- попытался отшутиться ты, не открывая глаз и не поднимая голову, и ошибся. Ни слова с ее стороны, ни крика, ни истерики. Ни капли обиды, ни моря ненависти. Ты открыл глаза, посмотрел на неё: на лице никакого испуга. Скорее, удивление или растерянность..., нет, разочарование. Почему?.. Она уже не глядела на тебя, она вышла из комнаты, она – на кухне. А если в чёрной комнате?.. Ты содрогнулся. Сжал веки. Но свет от лампы непонятным образом проникал в хрусталик и растекался в мозгу теплым и слепящим веществом (воздухом?). Или сном? Неужели можно уснуть? Кто это? – Между горящей лампой и твоими веками проплыло нечто вроде пятна (справа налево), тут

же обратно. Ты распахнул веки – пусто. Лишь лампа, потолок, поодаль (возле выключателя) шкаф, к которому ты недавно прикрепил отвалившуюся дверцу, слева в углу – куча игрушек. Справа – открытая дверь. Это – допускаешь ты – или призрак, или фата-моргана. Или... "Достаточно. – Скользнуло в голове. – Двойная порция мне всегда невпроворот". Встал. Натянул джинсы. Потом носки. На плечи набросил рубашку. Пошел на кухню. Она сидела в привычной позе с кружкой в руке, отвернув голову (ну, конечно) в сторону. Разговаривать явно не жаждала. Начал ты:

– О, смотрела мои замечания, -- взял с подоконника листки с машинописью, попытался читать вслух – она вырвала их из твоих рук .

– Где последнее?.. Что же там плохого?.. А в этих? Тем более, не отправленных... Как можно трогать чужие мысли? Выстраданные, вымученные в слово. Да ты никогда не смыслил в душевных тонкостях. Твой тарантас ушёл.

– Но там, где я пометил карандашом, требуется правка. Между письмами для бытового чтения и письмами для печати – космическое расстояние.

– Да так ли это? Признайся, тебе не нравится моя форма выражения, а на чувства и мысли тебе наплевать... Мельчаешь.

"Подвяжем, – поймал себя на ухмылке.— Не на своём ли дне рождения, помнится, называла меня (перед своей подругой и второй подругой, зашедшей на... кажется, двадцать минут) крутым и многозначным неизвестно в какой области деятельности... Бред. Пошли какие-то официозные фразы".

– Молчи, молчи. Ты ничего свежего не скажешь... – попыталась она продолжить.

– Оригинальные люди уместны в художественном произведении, а в жизни они вызывают смех и издевательское осуждение.

– Знаешь что, оставь себе этот поток словесного... – умолкла.

Странно, кажись, она никогда не тормозила перед использованием элементарно топорных речений. Это вновинку. Психологическая примета. И впрямь: с нею никогда не поспоришь, а на протесты – мастерица. Уверенная в себе и постоянно подверженная стрессу. Это ли не причина, что на каждое конкретное пожелание её уста сплетают ловушку неприязни. А обвинения в ленивости... – лучше молчать.

– А может, тебе распустить свои волосы, – попытался ты заглушить тему.

– Нет! – И еще громче, – ты струсил, ты даже не пошевелился на кровати, когда стучали в дверь, не говоря о том, чтобы подойти.

– Кто стучал? – (кажется, ты её на что-то провоцировал).

– Откуда я...

– Знаешь! – Теперь ты усилил голос... – И вообще, мне не нравятся женщины с подвязанными волосами. Это знак...

– Слышала. И больше не хочу. Это твоя излюбленная тема до некультурности – как мясо промеж зубов.

– Всякая культура начинается с культуры секса.

– И питания. Всё-всё! – ты мне набил оскомину своими якобы афоризмами. И лукавостью – решил уйти от досадного для тебя сюжета. Пугливый ты. Небось, холодным потом истёк.

– Старо, – гортанно и скупно выдавил ты из своего кадыка.

Закашляла спящая дочь. Прислушались. Помолчали.

– Не простужена?

– Не должна, – возбуждённо ответила она. – За эту зиму я устала от болезней: её и моих. И вовсе устала: от дырявой обуви, от приказного тона на работах. Все хотят превратить меня... в Синдереллу. Благодетели, сочувственники. Называют ленивой, а кто сделал меня такой? Сами же. И ты тут как тут со своими претензиями. Нет уже у меня энергии изменять что-либо в письмах. Но это всё, что у меня осталось от моего малыша, моего сыночка. Вижу, ты мне не поможешь. А на использование "основной валюты" я не

способна (к сожалению). Да и ехать для этого нужно в большие города. И пробивать, пробивать...

Это слово необъяснимо оказалось финишным. Оно подвело черту ночным бдениям: то ли спору, то ли симпатии, то ли ненависти, то ли благосклонности, а то и... ничему.

Она невменяемо вскочила, отряхнула ладонью трико и отправилась в спальню – слышался скрип кровати. Тебе ничего не оставалось, как скопировать ее поступок (пятый час ночи-утра) – ты разделся и лёг на прежнее место. Начал засыпать, но сквозь дрему слышал, как она вставала, чтобы выключить свет. Чтобы посмотреться в зеркало: "Вот я, вот зеркало, а в зеркале – кто или что? Но только не я". Чтобы взять меня за руку и увлечь за собой – прямо по коридору и... направо: в чёрную комнату. Чтобы там усадить меня в развалившееся кресло, уложить на сгнивший диван, ходить со мной в обнимку по прелому полу. Чтобы бормотать в мои губы, зрачки, уши: здесь вакуум – "великая пустошь", как... как во Вселенной; но ты её не увидишь, потому что у тебя "глаз-не-алмаз"; потому что в тебе нет женственности, а твой дух-отец – это эфемерность, марево. Чтобы выслушивать мои наставления: *там* всё основное втиснуто задним числом – да ни один пророк, предсказатель, провидец, промыслитель, вещун и сколько их там ещё, не предрекут даже завтрашний день, кроме того, что просчитывается математически, не говоря о предсказании на годы; вот почему у них все высказывания мглисты и абстрактны: ведь понятно, что словесную мазню немудрено трактовать для любой надобности, но не в этом стержень – можно по нагаданному кроить историю, жизнь. Сценарий и его исполнители. А кто режиссер?..

По привычке ты проснулся в семь ноль-ноль. Снов не видел (или не помнишь) – мало времени для них и не до них. Зачем они тебе, если ты в них не веришь. Полежал с закрытыми глазами минуту-другую – и встал. Одеваясь, поглядывал на неё и на дочь... Подумал: "Спи и забудь, что я есть на свете". Выходя в коридор, посмотрел в сторону кухни, решил: "Нет, забирать письма не буду". Наклонился, чтобы обуться... – появилась она. "Вышла попрощаться или что?". Молчит. Ты не выдержал:

– Не беспокойся насчёт меня – я здесь больше никогда не появлюсь. С сегодняшнего дня - обрыв. Но я к тебе лоялен.

Увидел – она полусонная. Только наклонила голову вперёд в знак согласия чего-то с чем-то.

– Пока. – И вышел.

Она сразу же повернула ключ и отправилась досыпать. Подъездная дверь, как всегда, торжественно заскрипела и, опущенная твоей ладонью, спружинила в дверную коробку. Легко ей, двери, существовать: открывайся и закрывайся – и вся философия. Горизонт желтел, концентрируя и усиливая только-только рождающийся солнечный свет: изнеженный и эротичный. И ты постиг: хватит самоутверждаться, в любом случае это симптом неполноценности и ненужности самой себя. Тем более что твоё тело теперь словно вышло из другого, невидимого, но горячего тела. Ожог?..

Ты ощутил легкое (привычное) давление на сердце. Машинально притронулся пальцами – в левом внутреннем кармане куртки находилась (как ни в чём не бывало) твоя пустая бутылка из-под... Вспомнил? "Да. Как и то, что ничего я не боюсь. И ничего не хочу. В том числе, – никаких ролей. Почему? А так: из сказанного и не сказанного, из прожитого и... мной, тобой, ею, – что главное для человека? Счастье? Богатство? Дети? Любовь?.. Чёрта с два. Главное – это спокойствие".

07.04 – 02.06. 2002г.